

Б.Н.Ковалев

ГОСПОДИ, СПАСИ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ! ЦЕРКОВЬ И ПРОПАГАНДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Советское государство рассматривало Церковь не просто как идеологического конкурента, но и силу, мечтающую о реставрации старого строя. Церковь и религия воспринимались не анахронизмом, а серьезным идеологическим противником и классовым врагом. Но нападение нацистской Германии на СССР показало, что перед угрозой внешнего противника требуется консолидация всех сил. В этих условиях в июле 1941 года вышел последний номер газеты «Безбожник». Атеистическая пропаганда практически прекратилась. На смену ей пришел национальный патриотизм. Во многих советских произведениях искусства (художественных и документальных фильмах, публицистических статьях) появляется положительный образ православного священника или просто искренне верующего русского человека. Для нацистских пропагандистов это было очень опасным сигналом. Недаром с самого начала боевых действий они представляли исключительно себя защитниками церкви и религии. Хотя на самом деле нацизм был также чужд и враждебен идеям христианства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Церковь, нацистская оккупация, пропаганда, коллаборационистская печать

События Великой Отечественной войны стали тяжелым испытанием для нашего народа. Новый государственный строй, установившийся на территории нашей страны после 1917 года, способствовал форсированному развитию экономики, немало было сделано в вопросе массовой ликвидации неграмотности.

Однако советское государство рассматривало Церковь не просто как идеологического конкурента, но и силу, мечтающую о реставрации старого строя. Поэтому многие священнослужители оказались просто уничтожены. Особенно активно это происходило в так называемые годы «большого террора».

Церковь и религия воспринимались не просто как анахронизм, но как серьезный идеологический противник и классовый враг. Поэтому борьба против них велась по нескольким направлениям. Здесь присутствовали как «Союз воинствующих безбожников», во главе со старым большевиком Емельяном Ярославским, издаваемые им многочисленные атеистические журналы и газеты, но и органы государственной безопасности.

За три месяца до начала Великой Отечественной войны, 31 марта 1941 г., начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александровым для секретарей ЦК ВКП(б) А.А.Андреева, А.А.Жданова, и Г.М.Маленкова была подготовлена докладная записка «О плане производства художественных фильмов на 1941 год». Из нее следовало, что работники советского кино работают неудовлетворительно: «План производства художественных кинофильмов на 1941 год, представленный Комитетом по делам кинематографии при СНК СССР, свидетельствует о том, что Комитет не извлек необходимых уроков из прошлых ошибок и неудовлетворительно подготовился к 1941 году» [1, с. 24-25].

Одной из важных задач для режиссеров и сценаристов определялось ведение атеистической пропаганды. «Серьезные недостатки имеются в представленном Комитетом тематическом плане производства кинокартин на 1942 г. Отсутствуют фильмы о жизни и труде советской молодежи. Из 7 детских картин всего одна посвящена советской детворе, остальные — сказки, фантастика. Нет ни одной антирелигиозной картины» [1, с. 27].

Агрессивное насаждение атеизма зачастую приобретало самые извращенные формы. Доходило до того, что советско-партийные руководители заявляли, что водка и драки — это гораздо меньшее зло, чем религия [2, л. 12].

Но нападение нацистской Германии на СССР показало, что перед угрозой внешнего противника требуется консолидация всех сил. В этих условиях в июле 1941 года вышел последний номер газеты «Безбожник». Атеистическая пропаганда практически прекратилась. На смену ей пришел национальный патриотизм.

В конце ноября 1941 года И.В.Сталин заявил председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Большакову: «Мы собираемся нанести немцам удар огромной силы... Надо всё это заснять на плёнку и сделать хороший фильм» [3, с. 114].

Сталин смотрел материал на разных стадиях работы над фильмом и вносил поправки. По его настоянию «излишне агитационный, крикливый» дикторский текст был сокращён, стал более сдержанным, пояснительным [1, с. 209].

Документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» длится 55 минут. Он весьма зрелищен: для того, чтобы показать мощь Красной армии, советский руководитель приказал, чтобы перед кинооператорами специально проехали танки и пролетели самолеты. Сам И.В.Сталин лично выступил там с программной речью (5-я — 7-я минуты фильма). Зрителям особо запомнился образ пожилой русской женщины, которая крестится одной и двумя руками одновременно, при этом приветствуя советских солдат-освободителей (40-я минута фильма).

На 49-ой минуте идут кадры разрушенного собора и диктор говорит: «Они превратили в развалины знаменитый Новоиерусалимский храм, величайшее творение архитекторов Растрелли и Казакова».

Этот фильм получил Сталинскую премию первой степени в области литературы и искусства за 1941 год, а в марте 1943 года на 15-й церемонии вручения наград премии Американской академии первый для СССР «Оскар» в новой номинации «Лучший документальный фильм».

Ленинградские документалисты в 1942 году сняли полнометражный (70 минут) документальный фильм «Ленинград в борьбе». По манере подачи материала (особенно в начале), он сильно напоминает предвоенную киноленту «Если завтра война» (1938 г.). Но есть и новое. Так, в самом конце (66-я минута), в сюжете, показывающем возрождение города после зимы, мы видим запуск трамвая. Его первая пассажирка, пожилая женщина, заходя в салон, непрерывно крестится.

Подобный образ становится вполне естественным. Мы видим старушку, которая крестит советских солдат, идущих по Невскому проспекту и накладывающую крестное знамение, в знак глубокой радости — прибытия первого железнодорожного состава после прорыва блокады Ленинграда зимой 1943 года.

Знаковым событием стал выход на большой экран фильма режиссера-орденоносца Ивана Пырьева «Секретарь райкома» (в 1943 г. удостоен Сталинской премии второй степени). Эту героическую драму о партизанском движении И.В.Сталин со своим окружением посмотрел в дни, когда отмечалось 25-летие Октябрьской революции.

Фильм пользовался популярностью не только у советских кинозрителей. Его показывали в Великобритании под названием в английском прокате «We Will Come Back» («Мы еще вернемся»).

На 29-й минуте этого фильма старый колхозник Гаврила Русов, награжденный тремя георгиевскими крестами, говорит своим товарищам-партизанам, что получил их «За Веру, Царя и Отечество!». При этом он уточняет: «За Веру — это Бог с ней! За царя, конечно, хрен с ним! А Отечество — всегда остается, не меняется наше Отечество!».

На 68-й минуте кинокартины встреча партизанских командиров назначается в церкви села Покровского. В фильме показан положительный образ православного священника — помощника народных мстителей. На вопрос командира Кочета: «Бывал ли партизан Аникеев в этом селе?», последний отвечает: «Несколько раз. Раненных партизан на излечение тамошнему священнику водил».

Кочет: «Ну, так, вот. Пойдешь туда сегодня и предупредишь отца Ивана, что в субботу ночью мы соберемся у него в церкви».

По итогам этой встречи секретарь райкома поблагодарил священника за помощь и пожал ему руку.

Однако немецкий шпион предупредил об этом своё начальство. Партизаны оказались в ловушке. Немецкий офицер развязно заявляет: «Ну, господа командиры и ты поп! Приготовляйся! Мы здесь сейчас будем немножко вешать!»

Он же обращаясь к Кочету: «А тебя, собака, сукин ты сын, я распну на кресте!».

Однако на самом деле это партизаны устроили ловушку для фашистов. Во время боя священник отважно бьет немецкого солдата кирпичом по голове.

Самый конец фильма. Партизаны готовятся идти освобождать свой родной город. Секретарь райкома говорит пожилому партизану: «А ты, старик, бей в колокол! Пусть жители села и всех окрестных деревень бегут сюда, к нам! Да бей сильнее, громче бей, старик! Чтобы звон набата в душу русскую врывался! За сердце брал людей, вздымал их ярость и к мести звал!».

Старый партизан снимает шапку и, обнимая колокол, говорит: «Эх, вдарю я сейчас!» После чего широко крестится и со словами: «Господи, спаси землю русскую! Сейчас так вдарю, что всем врагам тошно станет!» — начинает бить в церковный колокол. На его звоне фильм заканчивался.

Многие зрители отметили данный художественный прием режиссера-орденоносца. Хотя это пока был только очень общий намек на то, что церковная политика советского государства может в скором времени поменяться.

Для нацистских пропагандистов это был очень опасный сигнал. Недаром с самого начала боевых действий они представляли только себя подлинными защитниками церкви и религии. Данная политика проводилась по ряду причин. Во-первых, экономически она практически не затрагивала интересы вермахта и Германии. Во-вторых, как казалось гитлеровцам, церковь являлась идеальным местом для проведения их пропаганды. В-третьих, это была хорошо задуманная акция, ибо в первые месяцы войны многие советские чиновники по-прежнему считали Церковь своим врагом и потенциальным союзником захватчиков.

Хотя на самом деле нацизм был также чужд идеям христианства (при этом нацисты в программе своей партии утверждали совершенно противоположное). Так, главный пропагандист НСДАП Йозеф Геббельс, будучи официально католиком, в своем дневнике писал: «Борьба, которую мы должны вести до победы (во всяком случае — до конца) — это борьба, в самом глубоком смысле, между учениями Христа и Маркса» [4, с. 6].

Рассуждая со своими приближенными о религии, Гитлер обычно заканчивал дискуссии следующим выводом: «В том-то и беда, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву во славу отечества? Да и магометанская вера подошла бы нам куда больше, чем христианство с его тряпичной терпимостью» [5, с. 150].

При этом на страницах коллаборационистской прессы регулярно появлялись статьи о безбожии советской власти. Так, в псковской газете «За родину» публикуется статья за подписью главного редактора Анатолия Петрова «Борьба Сталина против религии» [6]. В качестве подзаголовка шли следующие слова: «В 1939 году Сталин писал, что антирелигиозная агитация — лучшее средство для полной ликвидации духовенства». И вновь гитлеровские пропагандисты напоминали русским читателям о тех репрессиях, которые обрушились на священнослужителей сразу же после революции 1917 года: «Уже в первые месяцы, после захвата ими власти, начался беспощадный террор против духовенства. Первыми жертвами большевизма пали следующие видные представители русской православной церкви: митрополит киевский Владимир, архиепископ пермский Андроник, архиепископ черниговский Василий, епископы — Никодим, Гермоген. Макарий и Ефрем, новгородский викарий Варсанофий, вятские викарии — Амвросий и Исидор, а также целый ряд других представителей высшего духовенства».

По документальным сведениям, которые, кстати сказать, не были опровергнуты советским правительством, только до марта месяца 1922 года большевиками было расстреляно 28 епископов и 1215 священников. И сколько еще духовных лиц погибло потом медленной смертью в ссылках и концлагерях» [6].

Одним из самых острых конфликтов между православной церковью и советским государством стали трагические события массового неурожая в начале 20-х годов: «Царивший в 1922 году в Приволжье голод был использован советским правительством как повод для агитации за отчуждение церковной собственности в пользу голодающих. В середине марта советские правители приступили к принудительному сбору церковных богатств, причем это сопровождалось вызывающим осквернением народных святынь. Расчет большевиков был ясен — они своими действиями хотели вызвать открытое возмущение верующих, что им во многих случаях и удавалось» [6].

Следует признать, что изъятие церковных ценностей действительно проходило очень грубо и демонстративно цинично. Об этом будут позднее вспоминать, например, сотрудники новгородских музеев, которые при этом присутствовали [7, с. 328].

Весьма похоже излагаются те же не красящие советскую власть события и в коллаборационистской газете: «Являвшиеся под военной охраной для ограбления церковей правительственные агенты подвергались оскорблениям со стороны взбешенной толпы, а сплошь и рядом бывали случаи нападения на них камнями. Такого рода эксцессы послужили официальным поводом для столь необходимого советской власти тотального террора против церкви. Начались массовые аресты духовных лиц и активных прихожан» [6].

На страницах советских газет во время войны все чаще стали появляться заметки, позитивно отзывающиеся о деятельности Русской православной церкви. Речь, например, шла о сборе средств на танковую колонну «Дмитрий Донской». Деньги собирались верующими даже там, где не осталось ни одного действующего храма. На это положительно откликнулся сам советский лидер. Об этом было широко сообщено в СМИ.

Немецкая пропаганда в этих условиях стала напоминать о том, что все предшествующие годы большевики говорили совершенно о другом: «Особенно резко выступает весь цинизм теперешней притворной святости Сталина и его невообразимого лицемерия, если напомнить сказанные им самим слова о борьбе с религией. В 1939 году московским “Государственным антирелигиозным издательством” была выпущена брошюра под названием “И.В.Сталин о религии и борьбе с ней”.

На 193 странице этой брошюры имеются следующие интересные мысли Сталина: “Партия не может оставаться нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет продолжать свою агитацию против таковых, т. к. партия является верным средством для прекращения в народе влияния духовенства, которое является послушным орудием в руках буржуазии.

Партия не может также оставаться нейтральной по отношению к инертному подчинению религиозным предрассудкам, т. к. последние, при помощи духовенства, отравляют самосознание рабочих масс.

Подавили ли мы духовенство? Да, мы подавили его. Жалко только, что оно еще не полностью ликвидировано.

Антирелигиозная агитация является лучшим средством для окончательной ликвидации духовенства”» [6].

Нацистские пропагандисты, опубликовав столь большую выдержку из труда советского вождя, язвительно восклицали: «Для того, кто понимает истинное значение большевистского слова “ликвидировать” — всякие комментарии к этому заявлению Сталина совершенно излишни» [6].

Следует признать, что первые шаги советского руководства по признанию патриотической роли Церкви в Отечественной войне были весьма условны. Некоторые советско-партийные чиновники на местах этого даже не замечали. Весьма характерна в этом отношении докладная начальнику штаба Ленинградского партизанского движения М.Н.Никитину от председателя Новгородского исполкома М.В.Юдина о положении дел в оккупированном гитлеровцами Новгородском районе от 10 ноября 1942 г. Хотя он пишет о патриотической позиции священнослужителей, при этом употребляет пренебрежительное слово «поп»: «Характерно, что в отношении войны попы и евангелисты исподтишка проповедуют победу Красных. Об этом говорят даже старухи: “Так сказано в священном писании”» [8, л. 45].

Как видно, силы советского сопротивления в начальный период войны, хотя и признавали в своих донесениях в центр, что церковная политика оккупантов находит немалую поддержку у большинства

населения, боролись с ней в основном репрессивными методами. Вплоть до того, что некоторые священники, невзирая на степень их сотрудничества с гитлеровцами, были убиты [9, л. 56].

При этом уже с начала 1942 года некоторые партизаны и подпольщики, отрезанные от Центра, не имевшие с ним надёжной связи, пытались наладить связь с деревенскими батюшками.

По воспоминаниям Героя Советского Союза, комиссара Пятой партизанской бригады И.И.Сергунина трагизм ситуации заключался в том, что многие священнослужители, не принимая оккупантов и их идеологии, не верили партизанам и боялись их, считая, что они бандиты и убийцы [9, л. 66].

Несмотря на это, некоторые священники соглашались в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служить молебны за здоровье односельчан, находящихся в Красной армии [9, л. 66].

В 1943 году священнослужители все чаще стали появляться на советских киноэкранах. «Приговор народа» — так назывался фильм-репортаж о судебном процессе над пособниками оккупантов, который прошел в июле этого года в Краснодаре. Создатели этого фильма — режиссёр И.Сеткина, операторы киностудии Северо-Кавказского фронта. Он длится всего 12 минут 46 секунд. На 3-й минуте мы видим священника, который садится в первый ряд. Это свидетель. На 7-й минуте появляется титр «Священник Георгиевской церкви К.П.Ильяшев». Он говорит: «Моя соседка, Раиса Ивановна, замечательная женщина, которая исчезла, и, наконец, её отыскали убитой. Я сам видел это. Затем парнишка восемнадцати лет Володя, тоже был убит. Его разыскивали в раскопках. Затем сосед мой недалёкий Кирюшка Луганский тоже был убит. Его разыскивали, привезли, я сам видел. Закрывали наши фабрики, заводы, больницы. Все это начало взрываться и здесь уже оказался настоящий звериный немецкий образ, который они нам показали».

Таким образом, советское государство все чаще стало использовать в своей пропаганде духовный авторитет священнослужителей. Продлится это и после войны. Так на судебном процессе по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области 2 января 1946 г. выступил в качестве свидетеля протоиерей П.П.Тарасов, настоятель центрального Николо-Богоявленского собора и секретарь митрополита Ленинградского и Новгородского. Он сообщил суду «о многочисленных фактах, кровавых злодеяний немецко-фашистских захватчиков и надругательствах над русской православной церковью» [10].

Циркулярное письмо начальника главкинохроники Ф.М.Васильченко начальникам фронтовых киностудий датировано 8 сентября 1943 г.: «Одна из важнейших задач фронтовых кинооператоров в районах, освобождаемых Красной Армией, — это съемки следов злодеяний и разрушений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками...»

Для того, чтобы наиболее полно отснять факты зверств немцев и ущерба, причиненного ими советскому народу, Вам необходимо учитывать указания областных комиссий и инспекторов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Объектами съемок должны быть: ...внешний и внутренний вид варварски разгромленных жилищ, музеев, школ, библиотек, церквей...» [1, с. 749-750].

После освобождения Ленинградской области зимой 1944 года вскрылись многочисленные факты злодеяний гитлеровцев и их союзников. Похороны жертв превращались в импровизированные митинги. Об этом сообщалось в том числе и по радио. Известный петербургский композитор Анатолий Кальварский, переживший ленинградскую блокаду ребенком, сообщил автору, что во время трансляции этих сюжетов звучала православная панихида.

В фильме «Великая победа под Ленинградом» (1944 г.) мы видим на 33 минуте, в сюжете о награждении медалью «За оборону Ленинграда», священника-партизана Фёдора Пузанова. Рядом с советской наградой на его груди висит крест.

Тогда казалось, что государство полностью примирилось с Церковью, уничтожив общего врага. Но это продолжалось очень недолго, хотя общество, в большинстве своём, считало это совершенно правильным.

В первые послевоенные годы, когда сотрудники советских органов госбезопасности активно занимались розыском лиц, совершивших тяжкие преступления, не имеющие срока давности: карателей, активных пособников врага, «работа» по церковной линии многим из них казалась чем-то совершенно ненужным и даже вредным.

Как-то автор задал вопрос генерал-майору, бывшему начальнику Новгородского Управления КГБ Василию Михайловичу Богову: «А у Вас было когда-нибудь желание уйти из органов?». Этот человек, посвятивший почти 40 лет розыску военных преступников, ответил: «Да. Один раз. В 1953 году меня пытались засунуть в отдел по борьбе с церковниками. Кадровик в Великих Луках решил, что это очень смешно, когда отдел возглавляет старший лейтенант Попов, а в заместителях у него ходят лейтенанты Дьячков и Богов. Вот тогда я сказал, что этим я никогда заниматься не буду».

Следует отметить, что через несколько месяцев данные структуры в органах государственной безопасности были ликвидированы. Однако в начале 60-х годов, в условиях так называемой «оттепели», советское государство вновь начало кампанию по дискредитации Церкви и религии.

1. Кино на войне. Документы и свидетельства / Автор-составитель В.И.Фомин. М., 2005. 941 с.
2. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 432.
3. Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. 127 с.

4. Жуков Д. Религиозная политика нацистской партии // Национал-социализм и Христианство: Сборник статей и материалов. Ужгород, 2009. С. 5-28.
5. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997. 694 с.
6. За родину (Псков). 2 апреля 1942 г.
7. Смирнов С.М. Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 328.
8. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138.
9. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191.
10. Смена. 3 января 1946 г.

References

1. Fomin V.I., comp. Kino na voyne. Dokumenty i svidetel'stva [Cinema in the war time. Documents and evidence]. Moscow, 2005. 941 p.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State archive of the Novgorod Region]. Fund R-1244. Inventory list 1. File 432.
3. Mar'yamov G.B. Kremlevskiy tsenzor: Stalin smotrit kino [Kremlin censor: Stalin's watching movies]. Moscow, 1992. 127 p.
4. Zhukov D. Religioznaya politika natsistskoy partii [Religious policy of the Nazi party]. Coll. of papers "Natsional-sotsializm i Khristianstvo". Uzhgorod, 2009, pp. 5-28.
5. Shpeer A. Vospominaniya [Memories]. Smolensk, 1997. 694 p.
6. Za rodinu (Pskov). April 2, 1942.
7. Smirnov S.M. Vospominaniya o vremeni moyey raboty v Novgorodskom muzee [Memories about my work at the Novgorod Museum]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik, iss. 6(16). St. Petersburg, 1997, p. 328.
8. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region]. Fund 260. Inventory list 1. File 138.
9. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region]. Fund 260. Inventory list 1. File 191.
10. Smena. January 3, 1946.

Kovalev B.N. Lord, save the Russian land! Church and propaganda during the Great Patriotic War. The Soviet state viewed the Orthodox Church not just as an ideological competitor, but also as a force that could restore the old order. Church and religion were perceived not as an anachronism, but as a serious ideological adversary and class enemy. However, the attack of Nazi Germany on the USSR showed that in the face of the threat of an external enemy, the consolidation of all forces was required. Under these conditions, in July 1941, the newspaper Bezbozhnik [Antitheist] ceased to exist having published its last issue. Atheistic propaganda went into decline. It was replaced by national patriotism. In many works of art (feature and documentary films) and newspaper articles a positive image of an Orthodox priest or a godly man appeared. For Nazi propagandists, this was a very dangerous sign: from the very beginning of hostilities, they presented themselves exclusively as defenders of the Church and religion. In fact, Nazism was alien to the ideas of Christianity.

Keywords: Great Patriotic War, Church, Nazi occupation, propaganda, collaborationist press.

Сведения об авторе. Борис Николаевич Ковалев — доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; ведущий научный сотрудник Института истории блокады; ORCID: 0000-0002-1904-1844; bnkov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Ковалев Б.Н. Господи, спаси землю русскую! Церковь и пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 304-308. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).304-308

For citation: Kovalev B.N. Lord, save the Russian land! Church and propaganda during the Great Patriotic War. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 304-308. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).304-308